

Логунова Наталья Александровна

ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ НАПОЛЕОНА, ИЛИ ТЩЕСЛАВИЕ НИЧТОЖНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье дан анализ "наполеоновского" цикла М. Ю. Лермонтова. Прослеживается эволюция авторской позиции от преклонения перед военным талантом Наполеона, его гениальностью до осуждения стремления к славе через войну, гибель и страдания людей. Лермонтовский идеал сверхчеловека, удовлетворенного гордым одиночеством, сосредоточенным исключительно на своем духовном мире, самоанализе, трансформируется в обычного человека, готового на любой подвиг ради достижения счастья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 131-135. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. Катаева С. Г. Немецкий политический язык: основные направления и тенденции развития (1945-2005). М. – Липецк: ЛГПУ (гриф МПГУ), 2007. 205 с.
6. Китайско-русский словарь: пресса, Интернет, радио, телевидение: около 14000 слов и словосочетаний / Н. Х. Ахметшин, Чжао Сю-цин, Ян Личэн [и др.]. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
7. Кобозева И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2008. 760 с.
8. Корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 17.03.2013).
9. Кэ Ян. Исследования политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 58-63.
10. Резникова Н. А. Семантический анализ политической лексики [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/reznikova_n._a._49_54_4_48_2005.pdf (дата обращения: 17.03.2013).
11. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 252 с.
12. Ткачева И. О. Политическая лексика в современном русском языке: семантические особенности и проблемы лексикографического представления: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 22 с.
13. Университеты России и Китая – вместе в новом тысячелетии: навстречу X форуму вузов Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Восточных регионов Китайской Народной Республики. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. 132 с.
14. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 248 с.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. Изд-е 4-е. М.: Флинта; Наука, 2012. 256 с.
16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М. – Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
17. Щичко В. Ф. Китайский язык: теория и практика перевода: учеб. пособие. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 223 с.
18. <http://russian.cri.cn/2012china/home.htm> (дата обращения: 10.01.2013).
19. 傻联网. 2011. 24 августа.
20. 德瀑茜. 2011. 22 марта.
21. 德瀑梹报. 2011. 22 сентября.
22. 鯖感嗜葵. 2011. 1 сентября.
23. 鯖感嗜葵. 2012. 1 сентября.

POLITICAL VOCABULARY IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF MASS MEDIA SOURCES)

Lobanova Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy
Fesik Oksana Viktorovna
Pacific State University
lobanovaty@mail.ru; Oksana_fesik@bk.ru

The authors consider the problem of setting apart and describing the political vocabulary in the modern Chinese language, and as the material use the texts of newspaper articles and other mass-media sources, as well as the Russian and Chinese political leaders' speeches texts, which translation analysis allows describing the lexical layer under consideration. Untranslated texts of journalistic style suggest enormous number of examples for the analysis of political vocabulary functioning at different levels of political text.

Key words and phrases: political vocabulary; modern Chinese language; translation of mass-media texts; journalistic style; semantic description and functioning of political vocabulary.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

В статье дан анализ «наполеоновского» цикла М. Ю. Лермонтова. Прослеживается эволюция авторской позиции от преклонения перед военным талантом Наполеона, его гениальностью до осуждения стремления к славе через войну, гибель и страдания людей. Лермонтовский идеал сверхчеловека, удовлетворенного гордым одиночеством, сосредоточенным исключительно на своем духовном мире, самоанализе, трансформируется в обычного человека, готового на любой подвиг ради достижения счастья.

Ключевые слова и фразы: «наполеоновский» цикл; образ Наполеона; полководческий талант; протест против войны; одиночество; ничтожность человеческих помыслов.

Логунова Наталья Александровна

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова (филиал) в г. Железноводске
rkmggu_kmv@rambler.ru

ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ НАПОЛЕОНА, ИЛИ ТЩЕСЛАВИЕ НИЧТОЖНОЙ ЛИЧНОСТИ[©]

К образу Наполеона и наполеонизму как историко-культурному и нравственно-философскому явлению обращались выдающиеся поэты и писатели XIX века. Л. З. Полещук объясняет причины непреходящего

[©] Логунова Н. А., 2013

интереса к этой личности: «Образцом слияния облика полководца и политика, оратора и публициста был Наполеон» [5, с. 35].

Интерес к наполеоновской теме закономерен для Лермонтова. Вслед за Байроном поэт разрабатывает образ романтического бунтаря, избирая собственный путь и учитывая опыт В. А. Жуковского и А. С. Пушкина.

В творчестве М. Ю. Лермонтова мы наблюдаем эволюцию образа Наполеона в зависимости от парадигмы поэтического мышления относительно проблем славы и забвения, власти и ответственности, героя и толпы, гуманизма и деспотии.

Б. М. Эйхенбаум в 60-е годы XX века писал, что М. Ю. Лермонтов не просто преклонялся перед военным талантом Наполеона, его гениальностью, поэта интересовал трагический образ могучего человека [7]. По мнению В. И. Коровина, в образе Наполеона нашла наиболее полное воплощение концепция великой личности, противостоящей всему миру и побеждаемой только роком [2].

Мечта о совершенной человеческой личности, внутренне свободной, способной на героические деяния и употребляющей зло во благо, воплощена в образе Наполеона Бонапарта. Открывает наполеоновский цикл элегия «Наполеон»:

В сырой земле и в яме неглубокой –
Там спит герой, друзья! – Наполеон [4, с. 27]!..

Преклонение перед сильной личностью отражает лексика: Наполеон – «герой дивный», «воин дерзновенный»; его глас – «священный», ум – «неколебимый», думы – «высокие». В элегии отражены размышления молодого поэта о славе и памяти потомков, звучит протест против войны. Но пока авторская позиция двойственна. Восхищение личностью Наполеона, скорбная песнь о безвременной кончине перемежаются с раздумьями о пагубности военных притязаний пусть даже гениального, но человека:

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал [Там же]?

Осуждение стремительного взлета к славе через «погибельную» войну, власть рока над честолюбцами выражены в словах:

Нет! Рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный [Там же].

В облике Наполеона просматриваются демонические черты – это и власть над народами, презрение дружбой и любовью, нарушение христианских заповедей.

Видна и другая позиция автора, его отношение к жизни: красота мира, радость простого каждодневного труда могут составить счастье человечества, а «история страстей», презрение к миру («Я выше и похвал, и славы, и людей!..» [Там же, с. 28]) ведут к краху мечты, караются творцом. Вот почему так бесславен конец «героя»:

Ему, погубительной войною принуждённый,
Почти весь мир кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов – но [Там же, с. 27]...

Отстраненность героя от общества («Мне все равно...»), мотивы утраты великого прошлого (яркие, блестящие победы и безрадостное тихое настоящее) обоснованы автором с точки зрения всечеловеческих ценностей. Лирический герой живет боевым прошлым, «огнем снедаем угрызений» [Там же, с. 28], в звуках обыденной жизни он слышит и славу прежних дней, «И голос нег, и голос муки!..» [Там же], теперь его удел – изгнанничество и забвение:

... в могиле вечно ночь,
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока [Там же]!

В произведениях «Эпитафия Наполеона» и «К*» (Не говори: одним высоким...) Лермонтов, подчеркивая величие и силу Наполеона, указывает на то, что рок возвел его над людьми, и только он может его низвергнуть: «Великое ж ничто не изменяет» [Там же, с. 36]. В послании «К*» поэт продолжает размышления над категорией высокого и приходит к нелицеприятным выводам об отношении людей к великим делам:

Поверь: великое-земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое -
- Велик; не удалось – злодей [Там же]...

И далее, обращаясь к Наполеону и его победам, несколько иронично оценивает его личность – в глазах людей «чуть не бог», а вот известие о смерти не произвело трагического впечатления: «конец его мятежный / Не отуманил наших глаз!..» [Там же, с. 37]. Читатель приходит к выводу об изменчивости и непостоянстве славы, даже если она дана роком. «Великое – земное» должно служить благим целям, только тогда память о нем останется в веках, а кончина его будет оплакана современниками.

Романтический образ великого человека с трагической судьбой нарисован в думе «Наполеон».

Позиция автора здесь более ясная и очерченная, так как уже в первой строфе, отдавая дань величию Наполеона, поэт несколько снижает его образ:

Он не живой. Но также не мечта [Там же, с. 48].

Лирический герой появляется в «неверный час, меж днем и темнотой...», «в час грешных дум, видений, тайн и дел» [Там же], таким образом подчеркивается осуждение автором деяний Наполеона, «которых луч узреть бы не хотел» [Там же]. Что осталось от бывшего величия? «Нагбенный крест», «неведомая тень» [Там же], тоска по родине, след закатившейся славы, мучительные думы о прошедшем. Сам автор еще не определил для себя, каким путем нужно идти к славе, но уверен, что не через войну:

Там славы след, быть может, скрытый мглой,

Там средь войны её неслися дни...

О! Для чего так кончились они [Там же, с. 49]!..

Элегия «Святая Елена» написана, предположительно, в связи с десятилетием смерти Наполеона. В ней автор центральной проблемой определяет намеченное ранее противостояние общества и личности («изгнанник мрачный», «жертва вероломства», «хоть побежденный, но герой» [Там же, с. 83]), появляется тема суда над современниками:

Порочная страна не заслужила,

Чтобы великий жизнь окончил в ней [Там же].

Лермонтов «много размышлял о судьбах Родины. Его мысль часто возвращалась к Отечественной войне 1812 года, к московскому пожару, к героическим подвигам русского народа в боях за Москву. Поэтическим итогом этих размышлений, выражением чувства национальной гордости и патриотизма, – пишет Т. Иванова, – является стихотворение «Два великана» [1, с. 187].

В основе стихотворения лежит аллегория: «Иван Великий» – «старый русский великан» и заморский удалец – Наполеон. В концовке стихотворения Лермонтов описывает бесславный конец незваного пришельца:

Но упал он в дальнем море

На неведомый гранит,

Там, где буря на просторе

Над пучиною шумит [4, с. 138].

Отдавая дань полководческому таланту Наполеона, Лермонтов не сомневается в том, что свобода народа, Родины выше всех страстей, побед и поражений, душевных переживаний одного человека, каким бы великим он ни был. На наш взгляд, убедительно звучат слова Б. Т. Удодова, который отмечал, что «в обращении к теме Наполеона интересна идея огромных возможностей человека, его “необъятных сил” и в то же время проблема точки приложения этих сил, высших человеческих целей, во имя которых разворачиваются неисчерпаемые духовные ресурсы личности» [6, с. 611].

Для Лермонтова весь потенциал человеческих возможностей должен быть направлен на достижение счастья.

Поэт ищет среди выдающихся людей своей эпохи «положительно прекрасного человека», непосредственно включающего авторский идеал [Там же, с. 656]. Личность Наполеона далека от авторского идеала, поэтому в лирических отступлениях к поэме «Сашка» именно Москва (т.е. русский народ) предстает перед читателем в блеске вековой славы, не подвластной ни времени, ни чужой воле:

Люблю священный блеск твоих седин

И этот Кремль, зубчатый, безмятежный.

Напрасно думал чуждый властелин

С тобой, столетним русским великаном,

Померяться главою и обманом

Тебя низвергнуть [4, с. 460].

Наполеон вызывает возмущение у поэта надменностью, коварством, пренебрежением чужой славой. Война с Россией не принесла славы Наполеону – наоборот, развенчала миф великого полководца: «Вселенная замолкла...» [Там же].

О закате славы пришельцев Лермонтов говорит более конкретно:

Сердитый Кремль в огне их принимал

И проводил, пылая, светоч грозный [Там же]...

Именно «в нерушимости Кремля русский народ видел залог непобедимости России» [3, с. 227].

В балладе «Воздушный корабль (Из Зейдлица)» разработан мотив одиночества Наполеона. Романтический герой не изменился: он все такой же мрачный, величественный и так же, как и раньше, готов продолжать завоевывать мир:

На берег большими шагами

Он смело и прямо идет,

Соратников громко он кличет

И маршалов громко зовет [4, с. 193].

Лермонтов переносит акценты с непосредственной воинской деятельности Наполеона на философские размышления противопоставления гения толпе и, как следствие, одиночество героя в общественном и личном плане:

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою [Там же, с. 194].

Послание «Последнее новоселье» – заключительное произведение наполеоновского цикла, написанное по поводу переноса праха полководца с острова Святой Елены в Париж. Лермонтов, которого судьба Наполеона волновала на протяжении всего творчества, отнесся к этому факту отрицательно. Поэт своеобразно резюмирует свое отношение к великому человеку и дает историческую оценку его личности в контексте современной действительности. В начале послания автор развивает мысль о забытом героическом прошлом страны, которого не достоин «жалкий и пустой народ». Лермонтов, как и в стихотворениях «Поэт», «Дума», развивает тему суда над современниками:

Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли [Там же, с. 210].

Франция забыла своего героя, возродившего ее былую славу, не только не поддержала его в трудные минуты жестоких сражений, но и трусливо предала:

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его [Там же, с. 208]!

Гордый полководец, отправляясь в ссылку, оставил стране в залог самое драгоценное – своего сына, будущего императора великой страны, но изменчивая страна и здесь оказалась недостойной великого современника: она выдала сына врагам!

Блестящие победы, создание огромной империи увековечили имя Наполеона в истории, но только спустя 20 лет после смерти.

Сила и слава могущественного полководца не могли скрасить его одиночества, поэтому Лермонтов считает, что победы Наполеона принадлежат только ему одному. Одиночество растянулось на долгие и бесплодные годы ссылки, «отягощенные позорными цепями» [Там же, с. 210]:

И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один [Там же].

М. Ю. Лермонтов обличает французский народ – «ветреное племя», «толпу, дрожавшую пред ним» [Там же, с. 211] - в предательстве, в отсутствии долга и исторической памяти.

Как и в элегии «Святая Елена», Наполеон «хоть побеждённый, но герой» [Там же, с. 83], так и теперь поэт возвращается к тезису о непобедимости французского полководца, которого мог низвергнуть только рок. Таким образом, на фоне гражданского упадка личность Наполеона вновь приобретает черты величия:

Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан [Там же, с. 211]!

Анализ произведений М. Ю. Лермонтова подводит к выводам о том, что при разработке «наполеоновской» темы поэт расширяет круг философских и этических проблем, размышляя о роли и месте личности в обществе. Постепенно происходит переосмысление позиции лирического героя. Стремление к мировому господству ради удовлетворения мелких притязаний, желание героизировать собственную биографию, чтобы остаться в памяти потомков великим полководцем и необыкновенным человеком, расцениваются М. Ю. Лермонтовым с высоконравственных позиций как отрицательные качества личности. Мысль о ничтожности человеческих помыслов, осуществляемых посредством уничтожения людей, будет развита в дальнейшем Л. Н. Толстым.

Список литературы

1. **Иванова Т.** Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. М.: Московский рабочий, 1959. 190 с.
2. **Коровин В. И.** Творческий путь М. Ю. Лермонтова. М.: Просвещение, 1973. 157 с.
3. **Кузьмин А. И.** Героическая тема в русской литературе. М.: Просвещение, 1974. 304 с.
4. **Лермонтов М. Ю.** Соч.: в 2-х т. / сост. и комм. И. Чистяковой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М., 1988-1990. Т. 1. 720 с.
5. **Полещук Л. З.** История русской литературы: учеб. пособие. Владивосток, 2005. 175 с.
6. **Удодов Б. Т.** М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 702 с.
7. **Эйхенбаум Б. М.** Статьи о Лермонтове / АН СССР; Инс-т рус. лит. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 372 с.

MILITARY GENIUS OF NAPOLEON, OR VANITY OF PIPSQUEAK**Logunova Natal'ya Aleksandrovna***Moscow State Classical University named after M. A. Sholokhov (Branch) in Zheleznovodsk
pkmggu_kmv@rambler.ru*

The author analyzes the "Napoleonic" cycle of M. Yu. Lermontov, and traces the evolution of author's position from the worship of Napoleon's military talent, his genius to the condemnation of desire for glory through war, death and human suffering. Lermontov's ideal of a superman, satisfied with proud solitude, focused exclusively on the spiritual world, introspection, is transformed into an ordinary man who is ready for any deed for the sake of happiness.

Key words and phrases: "Napoleonic" cycle; image of Napoleon; leadership talent; protest against war; solitude; insignificance of human thoughts.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье излагаются основные принципы диахронологического подхода к материалу повествовательной традиции, связанной с темой Великой Отечественной войны в контексте русской литературы 1941-2010-х гг. Выделяется три основных периода, соотносимые с фазами возникновения, становления и завершения данной нарративной традиции. В качестве основной линии историко-литературного развития рассматривается переход от соцреалистического канона военной эпики, наиболее полно выраженной в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, к неотрадиционалистской парадигме военной прозы (В. Гроссман «Жизнь и судьба»).

Ключевые слова и фразы: военная проза; диахронология; принципы периодизации; литературные парадигмы; эпохи литературного развития; персональные художественные системы.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент*Национальный исследовательский Томский политехнический университет**v_v_maksimov@rambler.ru***ДИАХРОНОЛОГИЯ РУССКОЙ ПРОЗЫ О ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ. ©**

Объектом диахронологии является движение литературы во времени, а определяющей целевой задачей – выявление закономерностей этого сложного и противоречивого процесса. Несмотря на методологическую очевидность объекта и целей, в контексте современной диахронологии обнаруживается беспрецедентное многообразие методов и способов работы с «олитературенным временем» [9, с. 7], которое невозможно интегрировать в одну теоретическую перспективу. Существует следующая градация разномасштабных предметных граней общего диахронологического объекта, позволяющая выявлять закономерности на уровнях: мировой литературы [1; 2], национальной словесности [5; 8], литературных парадигм [8; 11], персональных художественных систем [12]. Однако такое видение не исчерпывает возможностей и интересов кругозора диахронологического подхода. Предметом аналитики может стать и отдельный сюжетный мотив, и определенная сюжетная схема и даже тип сюжетной модели; аналогичное дробление касается и таких категорий поэтики литературного произведения, как художественная идея и литературная идеология; герой и система персонажей; образ и концепт и т.п.

В связи с этим выбор тех или иных способов диахронологической аналитики, являясь исходным шагом, определяется в данном случае в первую очередь характером исследуемого материала. В центре нашего внимания будет находиться повествовательная традиция, посвященная теме Великой Отечественной, включающая в свой состав несколько сотен разножанровых и разностильных произведений и развивающаяся в контексте русской литературы на протяжении семидесяти лет [6]. По отношению к данной повествовательной традиции проблема общей диахронологии никогда не ставилась в ее принципиальном типологическом варианте, хотя существует обширный контекст историко-литературных исследований, авторы которых сосредоточили свое внимание на интерпретации ключевых произведений; основных жанровых форм, прежде всего романа; индивидуальных версиях военной темы в рамках персональных художественных систем. В тех случаях, когда исследователи обращались к диахронологическим аспектам темы, они, как правило, ограничивались характеристикой отдельных идейно-художественных феноменов (например, поэтики «окопной» и «лейтенантской» прозы) или констатацией факта освоения и преодоления соцреалистического канона военной прозы – двух процессов, которые развивались в 1940-1950-е гг. и далее, с рубежа 1950-1960-х гг.

Для того чтобы повествовательная традиция попала в рамки диахронологического подхода, необходимо выделить как минимум две группы факторов, каждая из которых принадлежит определенному контексту. Первая группа позволяла бы фиксировать внеэстетическое по своей природе поле действия социоисторических закономерностей (действительность военной фактографии), вторая способствовала бы конструктивному выстраиванию собственно эстетических возможностей военной темы («поэтическая реальность» образа войны).